

Н.Н. Семаков

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРИТЯГАТЕЛЬНЕЕ ЗЕМНОГО МАГНИТИЗМА?

«Магнитизм» в заголовке написан через «и», согласно В.И. Даю, у которого «магнетизм» определяется как «жизненная сила». Впрочем, если Земля – живой организм, то можно и на «е» исправить...

Свое первое большое путешествие мне довелось совершить в 1958 г. в восьмилетнем возрасте, когда мои родители с тремя детьми переехали с севера Белоруссии на западное побережье Камчатки (пос. Соболево). Тот переезд – поездом до Владивостока и потом огромным трофейным

Совместная экспедиция на Горный Алтай с археологами СО АН. Сидят: проф. Л.А. Рогозин, Г.А. Поспелова, З.Н. Гнибиденко, академик А.П. Окладников; лежит Н.Н. Семаков; стоят: В. Шлюков, О. Дудникова, Т. Шевнина, водитель

Закарпатье, 1977 г. Н.Н. Семаков, украинский палеомагнитолог, Г.Я. Ларионова, З.Л. Шмырёва, О.М. Адаменко

Панорама геофизической станции «Мирный». Антарктида, 1982 г.

теплоходом «Советский Союз» – запомнился на всю жизнь. Вербовка отца на Камчатку объяснялась, мне думается, не столько упразднением Освейского района, где он был одним из руководителей, сколько его поморской тягой к перемене мест (в Белоруссии он остался и женился после войны). Часть этой тяги, наверно, досталась и мне в наследство от отца...

В школьные годы туристская секция Корякской средней школы, где я закончил девять классов, была одной из сильнейших на Камчатке. А самым ярким и трудным событием походной жизни был переход в 1964 г. из с. Коряки (50 км от Петропавловска) в Долину гейзеров. Были и зимние походы, и туристские слеты, во время одного из которых я в качестве штурмана-топографа увел своих товарищей в сопки по компасу ровно в противоположную сторону. С тех пор, видимо, и зародилось желание – побольше узнать о магнитном поле Земли и его особенностях. После окончания ФМШ (1967) выбор профессии геофизика показался мне оптимальным сочетанием науки с «бродяжничеством». Отец-строитель это не одобрял и на вопрос соседей: «Колька твой на кого учиться?» отвечал: «На бродягу!» – «А что, в университетах теперь и на бродяг учат?» – «Учат, учат...»

«Крестным отцом» в профессии стал для меня Эпаминонд Эпаминонович Фотиади. Зимой 1971–1972 гг. он отправил меня в Институт земного магнетизма и распространения радиоволн (ИЗМИРАН) к талантливому магнитологу А.Н. Пушкиву, который привил своим ученикам любовь к изучению главного магнитного поля и его вековых вариаций. В подмосковном Троицке есть даже улица Пушкивых: его отец – Н.В. Пушкив – был организатором и первым директором ИЗМИРАН. После защиты диплома Э.Э. оставил меня в своей лаборатории физики земной коры, где я занимался сначала изучением векового хода современного магнитного поля Сибири и Средней Азии (вместе с Владимиром Николаевичем Храненко), а потом – вековыми вариациями древнего магнитного поля в группе к.ф.-м.н. Г.А. Поспеловой вместе с З.Н. Гнибиденко, Г.Я. Ларионовой и др.

В 1980 г., оказавшись в Ленинграде и проходя мимо бывшего Шереметьевского дворца на набережной Фонтанки, где тогда располагался Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ), я познакомился с несколькими геофизиками. Расспросив, где я работаю и чем занимаюсь, они посоветовали, если хочу принять участие в одной из будущих Антарктических экспедиций, оставить заявление. Не очень верилось, что меня когда-нибудь пригласят, поэтому я об этой затее никому не говорил. Но вдруг в октябре 1981 г., когда я был на границе Узбекистана и Туркмении, в институт пришла заверенная телеграмма с просьбой уволить меня переводом в ААНИИ для участия в 27-й Советской антарктической экспедиции. Вы-

лететь в Ленинград предстояло срочно, а нужно было заверить характеристику в райкоме партии (хоть членом КПСС я и не был). Там сказали ждать месяц. Но помог ускорить это дело А.В. Каныгин, тогдашний парторг ИГиГ: «Не переживай, Коля! Кому еще туда ехать, если не тебе?!» Сборы были настолько быстрыми, что когда уже в Мирном я проявил первую фотопленку, то не очень удивился тому, что Ходжа Насреддин восседает на ишаке на фоне айсбергов.

На «надежность» зимовщиков проверяли и в Ленинграде. Помнится, нашего радиста Васю Прошкина «завернули» на собеседовании в Смольном: «Иди, Василий, и подумай!» По простоте душевной он не сразу сообразил, что не стоило идти в «колыбель революции», подпоясавшись ремнем с американской символикой. У меня такого ремня не было, так что Смольный тоже был «взят».

Те, кто и служил и зимовал, говорят, что зимовка во многом схожа с армейской службой. Геофизическая группа, которой мне почему-то поручили руководить, состояла из пяти офицеров запаса и двух кадровых капитанов, ставших к концу зимовки майорами. Делами мы занимались мирными (запускали радиозонды, изучали полярные сияния, космические лучи, сейсмический режим, ионосферу, магнитное поле Земли), только капитаны были слегка засекречены и к своей аппаратуре никого не подпускали. Но когда у них неожиданно вышел из строя какой-то блок, пришлось всех звать на помощь. Наладить ничего не удалось и общими усилиями, а вскоре закончилась магнитная буря, восстановилась радиосвязь и с запозданием пришла зашифрованная радиограмма: «Такой-то блок тогда-то будет выведен из строя через спутник, его необходимо опечатать и отправить в Союз первым судном».

Зимовка привлекала меня прежде всего романтикой и интересной работой, но была возможность поправить немного и дела финансовые. Младший научный сотрудник получал тогда 105 р., а в Антарктиде платили суточные 12 р. да еще оклад с надбавками через полгода. Но были и минусы. Дети (младшей дочери было всего три месяца, когда я уехал) через полтора года меня не узнали, и на работе ставку для меня держать никто не был обязан. Но Э.Э. Фотиади своего питомца не оставил и в июне 1983 г. свел меня с В.В. Кузнецовым, возглавлявшим в то время Геофизическую обсерваторию ИГиГ. Магнитологу место в ней нашлось. Работа была интересной и знакомой да к тому же вскоре оказалась тесно связана с Арктикой, куда меня после зимовки особенно влекло.

В 1984 г. магнитологи института Владимир Тихонович Левадный, Анатолий Фёдорович Павлов, Ираида Васильевна Павлова, Владимир Александрович Маслов, А.Н. Фёдоров, Ольга Ивановна Федотова включились в геомагнитные измерения на пунктах векового хода (ПВХ) Сибири. В дополнение

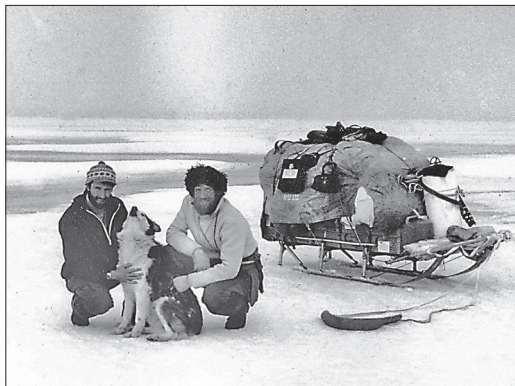
А.С. Вакуленко, А.Ф. Павлов и А.Е. Кох на Северной Земле. 1987 г.

Н.Н. Семаков на Северном полюсе. На заднем плане – атомоход «Сибирь». 1987 г.

Советско-канадская группа перехода по маршруту мыс Арктический (СССР)–Северный полюс–Канада. Фото на Северном полюсе сделал участник перехода – Н.Н. Семаков. 25 апреля 1988 г.

Экспедиция к Земле Беннетта. В. Тютиков, пес Механик и Н.Н. Семаков. 1993 г.

К.г.-м.н. Н.Н. Семаков на самом Крайнем Севере. 1984 г.

к уже обслуживаемой институтом сети ПВХ нам были переданы пункты на Камчатке, арктическом побережье от мыса Челюскин до мыса Уэлен, а также на Новосибирских островах и о. Врангеля. Возникли и собственные научно-экспедиционные идеи и планы, связанные с изучением динамики современного северного магнитного полюса. Реализация этих планов стала возможной, с одной стороны, благодаря заинтересованности и участию в их осуществлении канадских магнитологов во главе с Ларри Ньюиттом и советских полярных путешественников (Юрий Хмелевский, Дмитрий Шпаро, Фёдор Конюхов), а с другой – благодаря авторитету института и его директора академика А.А. Трофимука.

Весной 1987 г., используя (безвозмездно) экипировку и снаряжение высокоширотной экспедиции «Комсомольской правды», сотрудники ИГиГ Александр Степанович Вакулenco, Александр Егорович Кох, Анатолий Фёдорович Павлов и я прошли на лыжах с магнитными измерениями около 300 км по Северной Земле. А в июне того же года мне с магнитной аппаратурой удалось на попутном вертолете из Диксона догнать атомоход «Сибирь» в проливе Вилькицкого. Начальник экспедиции А.Н. Чилингаров, прочтя радиogramму с просьбой А.А. Трофимука принять на борт магнитолога из его института, произнес: «Размещайся!» О нашем «антарктическом» знакомстве Артур Николаевич, скорее всего, не помнил, а мне напоминать ему было тоже некстати: по его распоряжению часть нашего груза с Антарктиды была переброшена в 1983 г. с «Профессора Визе» на «Михаила Сомова» и попала не в Ленинград, а во Владивосток, где и потерялась. Такие накладки бывают...

С 1990-х годов отношение к науке изменилось и «сверху», и «сбоку». О самостоятельных полярных магнитных экспедициях пришлось забыть, а рассчитывать на помощь авиаторов, полярников, моряков и пограничников было уже неловко. Правда, в 1993 г. удалось еще принять участие в экспедиции к Земле Беннетта, организованной нижегородским путешественником Валентином Ефремовым. Этот историко-научный переход по Новосибирским островам был посвящен 90-летию спасательной полярной экспедиции А.В. Колчака (1900–1902). Он прошел на «Заре» от Архангельска до о. Котельный, исследовал побережье и попутно проводил геомагнитные измерения.

В сентябре 1993 г. «Комсомольская правда» назвала нас «пропавшей экспедицией». В силу ряда обстоятельств мы долго не могли дать знать о себе, экспедиции не удалось достичь о. Беннетта, но были сооружены памятные кресты на мысах Анисий, Бережных и Благовещенский, получены некоторые научные результаты и бесценный полярный опыт. Для меня главным оказался опыт полного одиночества и неизвестности осенью 1993 г. на мысе Санга-Балаган... Там остался у зимовья приготовленный к установке на о. Беннетта крест с выжженной надписью – «мыс Софии».

Семаков Николай Николаевич – канд. геол.-мин. наук, ст. науч. сотрудник ИГМ, ветеран ИГиГ (работает с 1972 г.)